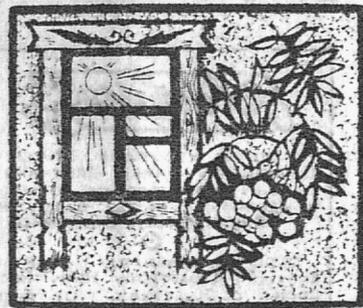

ди и храмы. Где благословлялись знаменитые экспедиции, теперь стоит театр драмы. Многие храмы оккупированы видеотеками, как например,

приток Двины делает излучину на 180 градусов, находился знаменитый «Новгородский волок» к реке Кулой. Теперь здесь проходит малоизвестный

Отчий край

нечно, взять их домой почитать, как и другие сборники краеведческой направленности, которыми богата здешняя библиотека...
В. ВАЛЕРЬЕВ.

Слово ученому

Как мы и обещали в предыдущих выпусках «Отчего края», предлагаем материал свердловского ученого А. Ю. Каптикова о Стефановской церкви в Котласе. Думается, это хорошее начало углубленного сотрудничества с новым автором, человеком, не равнодушным к истории края, к сохранению памятников культуры.

В ИСТОРИИ русского Севера памятна личность Стефана Пермского. Уроженец Великого Устюга, современник Дмитрия Донского и Куликовской битвы, крупный церковный деятель, с кем связана христианизация Вычегодского края, он заслуженно считается также выдающимся просветителем. Для коми-зырян Стефан составил азбуку, дав им тем самым, как выразился один исследователь, могучее средство культуры — письменность. Поскольку миссионерская деятельность Стефана началась с Пыраса (древнее название Котласа), строившиеся здесь в конце XIV столетия храмы или их приделы неизменно посвящались этому подвижнику. Будучи деревянными, они ветшали или погибали в пламени пожаров. Последний из них — шатровая церковь Владимирской Богоматери с приделом во имя Стефана Пермского — сгорел от молнии 3 августа 1776 г.

5 марта 1777 г. жители котласской округи — приходские люди и деревенские владельцы разных чинов — собрались обсудить вопрос о строительстве новой церкви. «С общего мирского согласия» было решено соорудить уже не деревянный, а каменный храм. Понимая, каких это потребует усилий, прихожане заранее обязывались принять непосредственное участие в возведении церкви.

Вот что записано в их «приговоре», хранящемся в Великоустюжском филиале Государственного архива Вологодской области: «... всем в работах быть по надобности.

священнику и старосте послушным, и никакого упреку не иметь, а ежели кто из нас... будет в чем ослушен, на такового стоять всем миром и паче ж. и судом.» «... Нам во всем строении, — продолжает документ, — прилагать крепкое старание и ни в чем противности не чинить...».

Конечно, речь шла о разных вспомогательных, рабо-

хитекторские проекты были еще крайней редкостью. Храмы обычно сооружали без предварительно составленных чертежей, примеряясь к какому-либо приглянувшемуся заказчику «об-

за десятки верст от Котласа — «на Сухону» или «до Комарицы». К сожалению, в книгах не названы строитель-подрядчик и каменщик. Зато устанавливается, что кирпич для стройки делал и обжигал «работник» Федор Фомич Баев, плотничные работы выполнял крестьянин Козьма Су-

ВО ИМЯ СТЕФАНА ПЕРМСКОГО

тах, ибо местные крестьяне не обладали навыками выделки кирпича, обжига извести и каменной кладки. Для всего этого надлежало нанять мастеров. Но и отдала подрядов находилась под неослабным мирским контролем: «... а каковые подряды на дело кирпичу, и каменных строителей, и известки, и прочего по надобности к строению подрячать при трапезе всенародно по настоящим ценам как возможно и писать в расход сущую правду».

Сразу было ясно, что «на оное церковное каменное строение, кроме собственных... приходских людей, трудов и подалний, потребна к приведению в совершенство немалая сумма». Поэтому, обращаясь к великоустюжскому епископу Иоанну «о даче благословящей грамоты», священник Василий Дмитриев и церковный староста Федор Варницын одновременно просили выдать «циуровую книгу» для сбора пожертвований. Архиерей разрешил, однако «с тем, чтоб оной сбор производить... с подобающею учтивостию и благопристойным образом, а нахально и ханжински (ханжески. — А. К.) не просить и не домогаться».

В ту пору на Севере ар-

разцу». Так, видимо, было и со Стефановской церковью, которую намеревались делать «как в других местах доброе строение выает».

Ход работ можно отчасти представить по сохранившимся приходно-расходным книгам церкви за 1780-1788 гг. Из них явствует, что «по известку» крестьянам приходилось ездить

ханов «с товарищем», кузнечные — Тихон Лысцев, а иконостас поставил «штатный служитель» архиерейского дома Семен Некрасов.

В ноябре 1785 г. священник Иоанн Иванов и новый староста Логин Квасников доносили архиерею, что первый этаж здания, заключающий в себе теплую (зимнюю) церковь, находится «совсем в готовности». Вско-

ре, 5 декабря, состоялось торжество его освящения. Что касается второго этажа, где должен был находиться холодный (летний) храм, то к его строительству пока не приступили, хотя в прошении Иванова и Квасникова сказано: «... а материалы уже заготовляются». Документы свидетельствуют, что тому же Ф. Ф. Баеву выплачивались деньги в декабре 1785 г. «при начатии работы кирпичу на вторую церковь на верхнее здание» и три гола спустя. Кроме того, в 1786 и 1788 гг. покупали в Сольвычегодске «к сараю кирпичному для надобности... рогож и ведр. и ушатов». Но, по-видимому, дальнейшие заготовки припасов на сей раз дело не шло. Отметим, что большой хронологический разрыв между сооружением первого и второго этажей церкви — явление довольно обычное в архитектуре русского Севера XVIII в.

А. КАПТИКОВ.

Доцент Свердловского архитектурного института, кандидат искусствоведения.

(Окончание следует)

(Окончание. Начало
в номере за 3 августа)

Дата возобновления работ остается пока неизвестной, но предположительно они вновь развернулись только в 1810-е годы. Тем временем в местном строительстве произошли серьезные организационные сдвиги. Отныне здания должны были сооружаться по проектам специалиста, архитектора, а подрядчик иметь от него «свидетельство» (аттестат) в удостоверение своего мастерства. Параллельно протекала и художественно-стилевая эволюция. На смену господствовавшему ранее динамичному, богатому украшениями барокко пришли простые и сдержанные формы классицизма. Правда, в культовых постройках этот процесс был медленнее, чем в гражданских.

Кто же автор второго этажа Стефановской церкви и ее отдельно стоящей колокольни, возведенной, вероятно, в 1825 г., одновременно с окончанием строительства холодного храма? Хотя документов по этому поводу еще не найдено, несомненно, что им мог быть в первую очередь тогдашний губернский архитектор. Именно от него исходило подавляющее большинство проектов.

В Вологде пост губернского архитектора занимал с 1806-го по 1829 г. «свободный художник» Иван Андреевич Фохт. Еще до вступления в должность он снискал себе известность тем, что «преподавал многим церковным, домовым и другим строениям планы лучшего и приятного вида», т. е. соответствующие нормам классицизма. Сходным принципом руководствовался и тот, кто спроектировал второй этаж Стефановской церкви. Сохранив традиционное для Севера еще барочное увенчание основного объема — четверика двумя убывающими малыми

восьмериками, он по-новому решил фасады. В завершении стен появились строгие треугольные фронтоны. Окна вместо пышных наличников получили нехитрые обрамления наподобие «обводов», дополненные замковыми камнями и горизонтальными нишами. Такая плоскостность убранства весьма свойственна раннему классицизму. В соответствии с этим следовало привести и облик первого эта-

Слово—ученому

ВО ИМЯ СТЕФАНА ПЕРМСКОГО

жа здания, иначе возникла бы дисгармония. Несомненно, архитектор — был ли им Фохт или кто-либо другой — не мог оставить старые наличники и велел сделать новые, также плоские, хотя и посложнее, чем у верхнего храма.

Колокольня, в отличие от церкви декорированная колоннами и рустованными пилястрами — тягами, привлекательна мягкостью и пластичностью своих скругленных Объемов.

Стефановская церковь — одно из первых культовых зданий на Севере, содержащих формы классической архитектуры. Она не осталась незамеченной, вызвала интерес у заказчиков из других мест. По ее образцу, а точнее, путем повторного применения проекта был выстро-

ен еще целый ряд храмов. Достаточно назвать находящиеся на Северной Двине между Устюгом и Котласом Николаевскую церковь в дер. Санниково и Успенскую близ д. Синега, чьи вторые этажи очень похожи на Стефановскую церковь.

Увы, в наше время судьба этого незаурядного произведения зодчества, свидетеля многовековой истории Котласа, оказалась крайне плачевной. Маслозавод, холодильник, склады — каким только не было «хозяйственное использование» памятника! Потом он несколько десятилетий эксплуатировавшийся на износ, стал и вовсе бесхозным.

Разрушение неуклонно ускорялось — «раздетая» крыша, зияющие оконные проемы, наконец, огромный страшный пролом в стене... И вот закономерный финал — храм рухнул! Трудно описать, до чего горько было автору настоящей статьи, привыкшему па подъездах к Котласу любоваться островыразительным силуэтом Стефановской церкви, узнать о постигшей ее катастрофе. Остается надеяться и ждать, что памятник, переданный теперь общине верующих, восстанет из руин.

Воссоздание не только вернет каменной летописи русского Севера одну из примечательных страниц, а Котласу — то, что всегда служило его лучшим украшением. Это — наш долг перед памятью Стефана Пермского. 600-летие кончины которого будет отмечаться в 1996 г., долг перед нашими предками, вложившими столько трудов и средств в постройку храма. И, конечно, перед потомками — ведь мы обязаны передать им бесценное культурное наследие Севера во всей полноте и сохранности!

А. КАПТИКОВ.

Доцент Свердловского
архитектурного института,
кандидат
искусствоведения.